

Библиофутурология: предмет и метод

Библиофутурология — это учение о будущем библиосферы. Библиосфера — система книжной коммуникации, объединяющая книжное дело, библиотечное дело, библиографию. Генеральная цель библиофутурологии — разработка стратегии использования книжных ресурсов для гуманизации человечества. Характеризуются предметное поле и методический арсенал библиофутурологии.

Ключевые слова: библиография, библиотеки, библиосфера, библиофутурология, будущее, книжная коммуникация, методология.

Новое замысловатое слово в профессиональной библиотечной терминологии — «библиофутурология» — состоит из трех корней. Нетрудно догадаться, что оно обозначает некое учение («логия») о будущем («футурум») книжного и библиотечного дела («библио»). Подобное учение сегодня отсутствует, и даже вопроса об его формировании ни книговеды, ни библиотековеды, ни библиографоведы никогда не ставили. Нельзя сказать, что наши теоретики и практики не задумываются о перспективах книжной коммуникации и библиотек. Трудно перечислить симпозиумы и публикации, посвященные жизненно важным вопросам: сохранятся ли библиотеки и книжные магазины в России в середине XXI века? какова судьба библиотечной профессии и библиографии? будут ли дети читать библиотечные книги? Беда в том, что ораторы никогда не оперировали научными аргументами. Почему? Думается, дело в том, что наши интеллигенты-книжники по негласному умолчанию и без каких-либо научно-прогностических обоснований абсолютно уверены в вечном существовании книг и библиотек. Иногда, правда, слышатся скептические голоса, но профессиональные библиотекари не склонны к ним прислушиваться. Поэтому ученым коллегам «библиофутурология» кажется лишним словом в библиотечно-книговедческом лексиконе. Настоящая статья написана для того, чтобы развеять эту обманчивую иллюзию. Для начала уясним, что представляет собой «футурология» и как с нею связана библиофутурология.

Футурология как научная дисциплина

Аркадий Васильевич Соколов,
профессор Санкт-Петербургского
государственного института
культуры и искусств,
доктор педагогических наук

В «Новой философской энциклопедии» *футурология* определена как *учение о будущем применительно к историческому и социальному времени* [2]. Термин «футурология» предложил в 1943 г. немецкий социолог О. Флехтхейм в качестве наименования новой «философии будущего». Футурология, однако, не стала ни особой наукой, ни специфической философией, но превратилась в межнаучное движение обществоведческой мысли, обращенное к анализу социальной динамики и ее результатов. В 1970-е гг. футурологические исследования включили в свой состав оснащенную математическим аппаратом *прогностику* в качестве учения о способах разработки прогнозов. Современное толкование футурологии содержится в диссертации О.В. Сидоренко, где сказано, что в наши дни футурология представляет собой обширный комплекс разнородных подходов как научного, так и ненаучного характера, направленных на формирование образов будущего человечества в целом, а также отдельных его подсистем и сторон жизни [5].

Критическое значение для признания футурологии в качестве научной дисциплины имеет достоверность выдаваемых ею сценариев будущего (футуриблей). Если опыт показывает, что эти сценарии далеки от действительного состояния дел, то не приходится говорить о научной репутации футурологии. Вместе с тем есть авторитетные ученые, которые утверждают, что существуют принципиальные запреты на достоверное футурологическое познание. Экономист и богослов Серебряного века С.Н. Булгаков (1871—1944) в книге «Философия хозяйства» (1912) решительно утверждал: «Социальная наука по самой своей познавательной природе неспособна к предсказаниям. Тезис о невозможности установления исторических законов и предсказаний доказан совершенно неопровержимо» [1]. В качестве «неопровержимого доказательства» С.Н. Булгаков ссылался на то, что ход истории определяется деятельностью исторических личностей, а каждая личность есть уникальное явление, не поддающееся никакому предвидению. В наши дни патриарх отечественной философии Т.И. Ойзерман (род. 1914 г.) в одной из своих статей, проанализировав высказывания выдающихся мыслителей от К. Маркса и Ш. Фурье до Й. Шумпетера и Ф. Хайека, пришел к заключению: «действительно научное познание отдаленного будущего человечества фактически невозможно» [3]. Дело в том, что нельзя предусмотреть будущие открытия науки, а именно от них зависит, каким будет общество через 50, тем более 100 лет. Синергетики-футурологи, в свою очередь, объясняют принципиальные ограничения познания будущего тем, что поведение самоорганизующихся социальных систем спонтанно и непредсказуемо, подобно прогрессу в области искусственных технологий [4]. Напрашивается вывод, что солидным ученым не к лицу заниматься сомнительными футурологическими фантазиями.

Однако крайний нигилизм неконструктивен. Следует различать два вида футурологических исследований — *социальное предвидение*, которое, исходя из анализа настоящего положения дел, представляет будущий ход событий, и нормативное *стратегическое программирование*, указывающее пути достижения желаемой цели и меры, требующиеся для их реализации. Стратегическое планирование конструктивно, потому что оно исходит из афоризма «будущее невозможно предсказать, но его можно создать». Правда этого афоризма в том, что будущее — результат коллективной деятельности людей, которая чаще всего хаотична, но в принципе может быть целесообразно организована. В последнем случае общество не только прогнозирует свое будущее, но и реализует практически этот прогноз. Футурология становится не «фабрикой фантастических футуриблей», а *источником управленческой информации*, целесообразно направляющей общественную активность.

В дискуссиях о будущем книги и библиотеки превалирует интуитивное предвидение, чаще всего ориентированное на сохранение традиционного статус-кво. Здесь научное обоснование не требуется, поэтому нет нужды в библиофутурологии. Другое дело — стратегическое программирование будущего российской библиосферы, которое не может осуществляться на основе интуитивных озарений. Стратегическое программирование — это область практического применения тех выводов и рекомендаций, которые должны быть получены в результате библиофутурологических исследований. Как эти исследования могут быть осуществлены?

Особенности библиофутурологических исследований

Науки, как известно, отличаются друг от друга, во-первых, изучаемым *предметом* (фрагмент реальности, сущность которого познается), во-вторых, *принципом отграничения* (специфическое явление или методология). Для футурологии, согласно цитированным определениям, предметом являются «человечество в целом, а также отдельные его подсистемы», принципом отграничения — «будущее применительно к историческому и социальному времени». Библио-

футурология в качестве одного из тематических разделов футурологии имеет предметом исследования структурированную социальную систему, именуемую «библиосфера» (синоним «книжная коммуникация»), а принцип отграничения тот же, что и футурология в целом — «будущее социальное время». Что же такое «библиосфера»?

Библиосфера, или в переводе на русский язык *Мир книг*, — не является новым словом в нашем лексиконе. С 2003 г. московский Дом деловой книги именуется «Библиосфера». Эту красивую маркетинговую метафору приняли книжные магазины в Уфе, Воронеже, Старом Осколе, Дмитровграде и других городах. Но торговая марка — не научный термин. Научное содержание термин «библиосфера» приобрел в 2005 г., когда ГПНТБ Сибирского отделения РАН учредила журнал «Библиосфера», тематический профиль которого охватывает библиотековедение, библиографоведение, книговедение, информатику. Благодаря ученым-сибирякам библиосфера сделалась объектом изучения перечисленных четырех дисциплин, каждая из которых обнаруживает свой предмет в пространстве библиосферы: библиотековедение — библиотеки, библиографоведение — библиографию, книговедение — книжное дело, информатика — документальную коммуникацию. В итоге получается *научное определение: библиосфера* — социально-коммуникационная суперсистема, включающая библиотечные, библиографические, книгоиздательские, книготорговые социальные институты и сопутствующие социальные явления, например, библиофильство и цензура. Принцип отграничения библиосферы от других социальных «сфер» — техносферы, носферы, артсферы и т. д. — наличие книжных фондов и потоков. Другими словами, библиосфере образуют те области социальной коммуникации, где создаются, обрабатываются, хранятся, распространяются и используются *книги* в виде произведений письменности и печати. Мы квалифицируем библиосферу как «социально-коммуникационную суперсистему», чтобы показать, что она является *системой систем*, ибо образующие ее социальные институты сами являются социально-коммуникационными системами.

Структурная сложность библиосферы обусловила *дилемму* библиофутурологического исследования: то ли в рамках книговедения, библиотековедения, библиографоведения автономно разрабатывать соответствующие футурологические проблемы, то ли в структуре библиофутурологии выделить разделы, посвященные будущему Книги, Библиотеки, Библиографии. Если придерживаться первого варианта и вести книговедческие, библиотековедческие, библиографоведческие футурологические исследования параллельно и независимо друг от друга, то неизбежно возникнут противоречивость и несовместимость сценариев будущего. Научный сепаратизм

не позволит получить целостное представление о библиосфере и, самое важное, определить ее роль в России середины наступившего столетия.

Следовательно, предпочтительней второй вариант, нацеленный на построение единого, хотя и гипотетического, сценария книжного, библиотечного, библиографического дела в пространстве библиосферы. Правда, в этом случае трудно проследить преемственность между «историей прошлого» и «историей будущего», поскольку у нас есть история книги, история библиотечного дела, история библиографии, но нет «истории библиосферы». Однако мы располагаем представлением об эволюции человеческой культуры, которую можно связать со стадиями развития социальной коммуникации. Тогда получается следующая *эволюция библиосферы*:

I. Доисторическое варварство (от овладения речью до III тыс. до н. э. — времени изобретения письменности);

II. Архаичная традиционная цивилизация (рукописная книга до XV в. н. э. — времени изобретения книгопечатания);

III. Современная техногенная цивилизация, освоившая полиграфическую коммуникацию и включающая этапы:

- мануфактурное производство (XV—XVIII вв.);
- индустриальное производство (XIX—XX вв.);
- электронная коммуникация (распространение электронных изданий и электронных библиотек в конце XX в.);

IV. Гипотетическая посттехногенная цивилизация XXI в. в виде различных версий, в том числе:

- информационное общество;
- трансгуманистическое общество конвергентных технологий;
- гуманистическое общество знаний.

Архаичные традиционные цивилизации представляют Древняя Индия и Китай, Древний Египет, а также некоторые государства современного третьего мира. Техногенная цивилизация, которая сформировалась в XV—XVII вв. в европейском регионе, существует около 500 лет, но она показала себя очень динамичной и агрессивной. Сталкиваясь с традиционными обществами, она подавляла и буквально поглощала их вместе со свойственными им культурными традициями. Предметом футурологических исследований является гипотетическая посттехногенная цивилизация наступившего столетия, многочисленные сценарии которой предложены различными авторами.

Для того чтобы исключить распад библиофутурологии на автономные экскурсии в будущее, необходимо обеспечить научную интеграцию книговедения, библиотековедения, библиографоведения в рамках библиофутурологии. Для этого необходима методология, обеспечивающая достижение целей,

поставленных библиофутурологами. Целей может быть две: либо создание предсказаний о сроках завершения кризиса, либо разработка стратегической программы выхода из кризисной ситуации.

Итак, особенности библиофутурологического исследования заключаются в следующем: а) предметом является библиосфера — структурно дифференцированная социально-коммуникационная система; б) обеспечивается научная интеграция знаний из областей книговедения, библиотековедения, библиографоведения; в) генеральная цель заключается в стратегическом программировании грядущего развития библиосферы. Сформулируем эту цель.

Генеральная цель библиофутурологических исследований

В нынешних условиях оттока читателей из библиотек, свертывания библиотечных сетей, депопуляции библиотечной профессии именно библиофутурология должна указать путь преодоления кризиса книжной коммуникации. Для этого нужно, используя методы футурологии, найти такую жизненно важную для самосохранения гипотетического общества XXI в. *генеральную цель*, достижение которой невозможно без обращения к ресурсам книжности. Вообще говоря, генеральные цели, стоящие перед человечеством, нам известны. Достаточно вспомнить «цели развития тысячелетия», провозглашенные ООН в 2000 г. на Саммите тысячелетия, такие как ликвидация абсолютной бедности и голода, обеспечение всеобщего начального образования, равноправие полов и расширение прав женщин, снижение детской смертности, борьба с эпидемическими заболеваниями, такими как СПИД, а также расширение всемирного сотрудничества с целью развития. К сожалению, пятнадцатилетний опыт показал, что прогресс в достижении этих гуманистических целей оставляет желать лучшего. Видимо, современное человечество не готово для реализации глобальных гуманистических программ. Возникает потребность в *гуманизации* человечества. Разработка стратегии использования книжных ресурсов для гуманизации нынешних и будущих поколений представляет собой ту генеральную цель, на которую следует ориентироваться библиофутурологии. Доступ к книжным фондам можно организовать двояко: в экономическом ключе и в педагогическом ключе.

Экономический подход хорошо представлен в монографии «Прогнозирование будущего: новая парадигма» (под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. М. : Экономика, 2008. 282 с.). Авторы категорически утверждают: «Единственной целью социально-экономического, научно-технического, политического и иного развития может быть только развитие конкретного человека во всем многообразии его материальных и духовных потребностей, вплоть до потребности достичь высшего разума при равном, свободном доступе к благам в их бесконечном разнообразии. Если целью развития социально-экономической системы будет не Человек, то неизбежен тупиковый вариант, а скорее всего — глобальный кризис с катастрофическими последствиями» (с. 240). Сильно сказано! Далее предлагается «единый критерий» оценки эффективности функционирования и развития человеческой системы в целом. В качестве подобного критерия выступает «*время* между возникновением материальной или духовной потребности каждого конкретного человека или общества в целом и моментом ее удовлетворения. Если это время сокращается, то система имеет тенденцию к эффективному развитию» (с. 244). Беда в том, что у некоторых людей возникают потребности, продиктованные алчностью, гордыней, невежеством (вспомним глупую старуху, пожелавшую, чтобы золотая рыбка была у нее на посылках). Срочное удовлетворение всех и любых требований и запросов «каждого конкретного человека» — вовсе не признак гуманистического общества. Человеколюбивые экономисты упускают из виду, что сначала нужно гуманистически воспитать личность и только потом ставить задачу удовлетворять его потребности и интересы.

Поэтому мы не можем ориентировать библиофутурологию на безусловное удовлетворение всего потока запросов клиентов. Следует руководствоваться законом библиотечной педагогики, сформулированным в свое время Ш.Р. Ранганатаном (1892—1972): «Каждому читателю — свою книгу; каждой книге — ее читателя». Именно таким путем могут быть удовлетворены не иллюзорные, а реальные познавательные, эстетические, этические потребности отдельной личности и гуманизация общества в целом.

Структура библиосферы

Пространство библиосферы в наши дни фактически совпадает с социальным пространством, поскольку количество неграмотных, отчужденных от книги членов техногенной цивилизации ничтожно мало. Подобно любой социально-культурной системе, библиосфера имеет вход и выход, связывающие ее с внешней средой. Можно считать, что в качестве *выхода* (целевой аудитории) в структуру библиосферы входит все человечество. *Входные каналы* многочисленны и разнообразны. Профессиональные писатели и журналисты, образующие сравнительно небольшую элитарную группу, ставят целью воздействовать на общественное сознание. К ним примыкают политики, юристы, ученые, проповедники, учителя и другие владеющие пером интеллектуалы, а также графоманы. Совместными усилиями они создают гетерогенный авторский коллектив, который в сотрудничестве с книгоиздательскими и книготорговыми социальными институтами производят гигантские книжные потоки, циркулирующие в библиосфере. По оценке книговедов, в настоящее время на мировой рынок ежегодно поступает 1 млн 250 тыс. книг общим тиражом 2,5 млрд экземпляров.

Главная задача книжной коммуникации заключается в долговременном хранении (социальная память) и обеспечении связи книжных потоков, поступающих на вход системы, и целевой читательской аудитории на выходе системы. Эту задачу выполняет *ядро* библиосферы, которое образуют два социальных института: библиотечный социальный институт и библиографический социальный институт. Первый осуществляет взаимодействие книжных фондов и контингентов читателей, а второй является инфраструктурой библиосферы¹, обеспечивающей функционирование всех ее элементов. Именно ядерные элементы определяют сущность библиосферы. Сохранение этих элементов во времени является гарантией существования библиосферы в обществе будущего, поэтому для библиофутурологии вопрос «что есть библиотечная идентичность?» имеет ключевое значение².

Библиотечная идентичность мыслится как совокупность необходимых сущностных качеств («библиотечность»), которые делают данное учреж-

дение библиотекой, а не кафе-шантаном или информаторием. Если некоторое помещение именуется «библиотека», но в нем нет ни книг, ни читателей, ни библиотекарей, то, как советовал Козьма Прутков, «не верь глазам своим»³. Бессмысленно рассуждать о будущем библиотеки, книги, библиографии, если не установлены критерии их идентификации. Библиосфера в целом и все ее элементы претерпевают естественные изменения с течением времени. Вопрос заключается в границах этих изменений: если трансформируются не внешние формы, а сущностные качества, то вместо прежнего появляется качественно иной объект, обладающий собственной идентичностью. Так, из гусеницы, которая ползает, вырастает бабочка, которая порхает. Какие сущностные мутации произойдут в библиосфере обозримого будущего? — вот область исследования библиофутурологии, точнее, — предметное поле библиофутурологии как научной дисциплины. Решающее значение для получения достоверных футурологических данных имеет использование надежных исследовательских методов.

Методология познания будущего

Какими методами футурологии мы можем воспользоваться? Методологический арсенал довольно широк:

1. *Экстраполяция* — распространение в будущее установленных в прошлом прецедентов и закономерностей, например, циклическое повторение определенных событий (волны экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева). Экстраполяция служит основой метода *моделирования*, заключающегося в построении математических или информационных моделей поведения исследуемой системы в разных задаваемых условиях. Для построения моделей необходима большая предварительная работа по выявлению причинно-следственных связей между внешними и внутренними факторами и переменными составляющими системы. Условием применения экстраполяции в библиосфере является относительная стабильность окружающей социальной среды. Однако возможно появление неожиданных факторов, нарушающих линейную последовательность, например, невозможно было предвидеть появление Интернета.

Российская библиосфера переживает в настоящее время качественные трансформации, отрицающие прошлый опыт, поэтому области использования методов экстраполяции в библиофутурологии ограничены: их нельзя распространять на управленческие структуры и практическую технологию. Однако должны быть пролонгированы сущностные основания книжной коммуникации, обеспечена преемственность социальных функций и типологии организаций, образующих книжно-библиотечную отрасль постиндустриального общества, сохранена гуманистическая суть библио-

течной педагогики и библиотечной этики. Проблема преемственности прошлого и будущего — одна из главных проблем библиофутурологии.

2. *Экспертные оценки* — классическая и широко используемая методология прогнозистики. Экспертные суждения страдают субъективностью, поэтому прогнозы часто окрашены эмоциями и профессиональными стереотипами. Для того чтобы минимизировать субъективные факторы, разработаны довольно изощренные схемы и процедуры опросов. Примером может служить *метод Делфи*, предусматривающий участие большого количества экспертов — нескольких сотен человек и несколько итераций (эшелонов) опроса. Обработанные результаты первой итерации сообщаются экспертам, чтобы они могли внести коррективы в данные ими ранее ответы, затем обрабатываются результаты второй итерации, снова предъявляются экспертам и так далее несколько раз. В итоге получается коллективная, хорошо продуманная экспертиза. Менее сложная процедура применяется в методе *экспертных панелей*. Здесь организуется несколько групп экспертов численностью до 20 человек, которым предоставляются массивы информационно-аналитических материалов по прогнозируемым темам (панелям) и предлагается выразить свое мнение о вариантах возможного развития событий. Проще всего техника *мозгового штурма*, когда каждому из участников предоставляется право высказать любые идеи, вплоть до «сумасшедших», относительно путей разрешения данной, допустим, кризисной ситуации. Здесь ключевую роль играют организаторы штурма, которым предстоит извлечь из хаоса неупорядоченных высказываний нечто конструктивное. Существуют также другие методы экспертных опросов, некоторые из которых могут использоваться в библиофутурологических исследованиях.

3. *Аналитико-синтетическая переработка документов* заключается в сборе и систематизации экспертных суждений по данной теме, содержащихся в общедоступных публикациях. Достоинство этого метода заключается в авторитете авторов публикаций, среди которых, как правило, присутствуют основоположники и лидеры прогнозируемых направлений. Собранный массив документов может служить базой для *библиометрического анализа*, показывающего уровень разработанности данной темы, ее популярность в научных кругах, конкурирующие школы и т. д. Мы уже обращали внимание на обширные потоки публикаций, посвященных будущему Книжки, Библиотеки, Библиографии. Эти потоки наверняка содержат продуктивные и интересные соображения, они общедоступны, и поэтому аналитико-синтетическая переработка документов — обязательный и необходимый метод библиофутурологии, без обращения к которому невозможны добротные библиофутурологические исследования. Дальнейшим развитием этого метода можно считать форсайт-методологию.

4. *Форсайт* (от английского *foresight* — предвидение) интегрирует различные футурологические методы. Методология форсайт зарекомендовала себя как наиболее эффективный инструмент выбора приоритетов в сфере науки и технологий, а в дальнейшем — и применительно к более широкому кругу проблем социально-экономического развития [6]. Видное место в повестке форсайт-исследований занимает выявление и анализ крупнейших по своему значению *глобальных вызовов* — чрезвычайно масштабных и сложных проблем, с которыми человечество уже столкнулось и влияние которых в средне- и долгосрочной перспективе, как ожидается, будет усиливаться. Они носят междисциплинарный характер и требуют координации действий различных органов управления на всех уровнях — от международного до отдельных регионов. При этом роль форсайта заключается не только и не столько в выявлении «больших вызовов», сколько в поиске «больших ответов», т. е. тех мер и инструментов политики, которые будут способствовать решению этих проблем наиболее эффективным образом.

Форсайт-проект — это формирование 10—20-летней перспективы развития регионов, муниципалитетов и других видов территориальных обра-

зований на основе анализа уже происходящих или только намечающихся изменений. Методология форсайта предусматривает не только аналитико-синтетическое размышление о будущем, но и разработку стратегического воздействия на будущее. Поэтому в библиофутурологии именно форсайт может стать главным методологическим инструментом.

Настоящая статья является постановочной. Ее цель — обратить внимание библиотечного сообщества на то, что необходимо осознать генеральную цель, т. е. социальную миссию библиосферы в эпоху информационных технологий, и целенаправленно формировать будущее библиотек и библиографии.

Примечания

- ¹ В экономической науке *инфраструктура* (дословно «подструктура») понимается как отрасль, обслуживающая другие отрасли, непосредственно производящие материальные или духовные ценности. Типичными инфраструктурными отраслями считаются транспорт, связь, энергетическое снабжение, материально-техническое снабжение и т. п. В системе книжных коммуникаций библиография выполняет типичную инфраструктурную миссию — удовлетворение потребностей в библиографической информации книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов.
- ² Библиотечной идентичности посвящена статья: *Соколов А.В.* Российская идентичность и библиотечная идентичность // Библиотекосведение. — 2015. — № 3. — С. 31—35.
- ³ Напомним мудрый афоризм: «Если на клетке слона прочтешь надпись “буйвол”, не верь глазам своим».

Список источников

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. — М. : Наука, 1990. — С. 271.
2. *Кравченко И.И.* Футурология // Новая филос. энцикл. — М. : Мысль, 2010. — Т. 4. — С. 283.
3. *Ойзерман Т.И.* Возможно ли предвидение отдаленного будущего // Вестн. Рос. акад. наук. — 2005. — Т. 75. — № 8. — С. 724.
4. *Сергеев С.Ф.* Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. — М. : Изд-во МБА, 2013. — С. 159.
5. *Сидоренко О.В.* Методологические и мировоззренческие основания современных футурологических исследований : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / О.В. Сидоренко. — Орел, 2012. — 175 с.
6. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. — 2007. — № 1. — С. 8—15.
Проблематика форсайта представлена на страницах журнала «Форсайт», который издает Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контактные данные:
191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2;
e-mail: sokolov1.spb@gmail.com

**Журналы Российской государственной библиотеки,
включенные в «Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук»**

